

**ПАТРУЛЬ
ДЖИННОВ
НА ФИОЛЕТОВОЙ ВЕТКЕ**

ДИПА АНАППАРА

**ПАТРУЛЬ
ДЖИННОВ
НА ФИОЛЕТОВОЙ ВЕТКЕ**

Москва
2020

УДК 821.111-31(540)
ББК 84(5Инд)-44
А64

Деера Анаппара
DJINN PATROL ON THE PURPLE LINE

Copyright © Деера Анаппара 2020

Перевод с английского *Ксении Новиковой*

Художественное оформление *Анны Рысухиной*

Анаппара, Дипа.

А64 Патруль джиннов на фиолетовой ветке / Дипа Анаппара ; [перевод с английского К. Новиковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-113693-2

Джай живет в бастии — индийских трущобах безымянного города — с родителями и сестрой. Их жизнь окутана бесконечным смогом, нищетой и трудностями, но Джай не унывает и, как любой мальчишка, всегда успевает найти приключения. Когда в бастии начинают таинственно пропадать дети, Джай с друзьями решают провести собственное расследование — ведь полиция бездействует, а он видел так много фильмов про детективов, что лучше него с этим делом не справиться никому. Джай, Пари и Фаиз опрашивают свидетелей, бегают по базару и строят догадки. Но по мере того как смог густеет, зима вступает в свои права, а список пропавших растет, атмосфера меняется. Может ли быть так, что Джай и сам угодит в ловушку и джинны заберут его навсегда?

УДК 821.111-31(540)
ББК 84(5Инд)-44

ISBN 978-5-04-113693-2

© Новикова К., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается
Дивье Анаппара и Параму*

ОДИН

ЭТА ИСТОРИЯ СПАСЕТ ТВОЮ ЖИЗНЬ

При жизни Псих был боссом восемнадцати или двадцати ребят, и он почти никогда не поднимал руку ни на кого из них. Каждую неделю он давал им шоколадку «5 Стар», чтобы они разделили ее на всех, или пачку драже «Джемс», а еще он делал их невидимками для полиции и для разных евангелистов-проповедников, что хотели спасти их с улиц, и для мужчин, что голодными глазами наблюдали за детьми, спрыгивающими на железнодорожные пути за пластиковыми бутылками, прежде чем их переедет поезд.

Псих не злился, если его мальчишки-мусорщики приносили ему пять бутылок из-под «Бислери» вместо пятидесяти, или если ловил их в лучшем наряде в те часы, когда они должны были работать, у кинотеатра, в очереди за билетом на премьеру, который они не могли себе позволить. Но в те дни, когда они заявлялись к нему с красными носами, со словами, что мешались в их речи как кровь и вода, и глазами, опухшими, как полные луны, от того, что они нанюхались замазки-корректора, он обрушивал на них весь свой гнев. Псих тушил «Голд Флейк Кингз» об их запястья и плечи и называл это пустой тратой сигарет.

Острый запах горелой плоти преследовал его мальчишек и стирал сладкий и короткий кайф от «Дендрайта» и «Эрейзекса». Псих чуток вправил им мозги, о да.

Мы никогда не встречали его, потому что он жил в этом районе задолго до нас. Но люди, которые его знали: парикмахер, что бреет щетинистые щеки уже несколько десятков лет, и безумец, что натирает пеплом грудь и зовет себя святым, — до сих пор говорят о нем. Они говорят, что ребята Психа никогда не устраивали драк из-за того, кто запрыгнул в несущийся поезд первым, и из-за

того, кто возьмет себе мягкую игрушку или завалившуюся в щель за сиденьем гоночную машинку. Псих учил своих мальчишек быть иными. Вот почему они жили дольше остальных детей, работавших на вокзалах по всей стране.

Но однажды умер сам Псих. Его мальчишки знали, он этого не планировал. Он был молод и здоров и обещал взять напрокат микроавтобус и отвезти их в Тадж, прежде чем муссоны придут в город. Они оплакивали его несколько дней. На бесплодной земле, омытой их слезами, выросла трава.

А потом мальчишкам пришлось работать на людей, совсем не похожих на Психа. В их новой жизни не было ни шоколадок, ни фильмов: лишь руки, обожженные железнодорожными рельсами, сверкающими золотом на жарком летнем солнце, из-за которого воздух нагревался до сорока пяти градусов уже к одиннадцати утра. Зимой же температура падала до одного-двух градусов, и иногда, когда туман становился белым и зернистым, как пыль, острые, словно бритвы, края ледяных рельсов срезали кожу с их мозолистых пальцев.

Каждый день после сбора мусора ребята умывались водой, капавшей из протекающей трубы на станции, и все вместе молились Психу, чтобы он спас их, прежде чем колеса поезда перемелют их руки и ноги в костную пыль или в воздухе просвистит ремень, разрывая сторбленные спины пополам, и они никогда больше не смогут ходить.

За месяцы, последовавшие за смертью Психа, в погоне за поездами погибли два мальчика. Коршуны вились над их трупами, а мухи целовали их в сине-черные губы. Люди, на которых они работали, решили, что подбирать и кремировать тела — пустая трата денег. Поезда не останавливались, паровозы по-прежнему гудели по ночам.

Однажды вечером, вскоре после тех смертей, трое мальчишек Психа перешли дорогу, отделявшую вокзал от нагромождения магазинов и отелей с красно-белыми телефон-

Патруль джиннов на Фиолетовой ветке

ными вышками и черными бочками «Синтекс» на террасах. Неоновые вывески мигали словами «ЭКОЛОГИЧНЫЕ ВЕГЕТАРИАНСКИЕ ПРОДУКТЫ» и «ВИД НА СТАНЦИЮ», и «НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ», и «СЕМЕЙНЫЙ КОМФОРТ». Ребята направлялись в одно место неподалеку: к кирпичной стене с железными перилами, на которых Псих сушил одежду и под которыми он спал по ночам, крепко, как жену, обнимая мешок со всем своим имуществом.

В желто-розовом свете букв «ОТЕЛЬ РОЯЛ ПИНК» они увидели маленьких глиняных богов, которых Псих расставил в стенной нише: Господа Ганешу с хоботом, свернутым на груди, и Господа Ханумана, поднимающего гору одной рукой, и Господа Кришну, играющего на флейте, а высушенные солнцем бархатцы были придавлены камнями у их ног. Ребята прижались лбами к стене и спросили Психа, как же он мог умереть. Когда один из них прошептал ветру настоящее имя Психа — секрет, известный лишь им, — в перелуке зашевелилась тень. Ребята подумали, что это кошка или летучая лисица, хотя в воздухе появилось напряжение, а на их языках — металлический привкус электричества, мигнула радужная вспышка света и исчезла так быстро, словно им померещилось. Их вымотала охота за бутылками, и головы кружились от голода. Но на следующий день, копаясь в мусоре на полу поезда, под разными сиденьями каждый из тех трех мальчиков нашел по пятьдесят рупий.

Они поняли, что деньги — это подарок от Психа-призрака, потому что воздух вокруг них заструился теплым дыханием и запах сигаретами «Голд Флейк Кингз». Он пришел к ним, потому что они назвали его настоящее имя. Мальчишки начали оставлять у его стены сигареты и чашки из фольги с пряным нутом, приправленным соком лайма и украшенным листьями кориандра и кусочками красного лука. Они отпускали грубые шутки о запахах и звуках, которые Псих издавал в те дни, когда съедал четверть кило нута за один присест. Призраку не было дела до их шуток, и потом они находили на рубашках дырки от сигарет.

Мальчишек Психа теперь разбросало по всему городу, и, по слухам, некоторые из них стали взрослыми, женились и завели собственных детей. Но и сегодня голодный мальчик, что заснет с настоящим именем Психа на потрескавшихся губах, проснется и встретит белого туриста, что купит ему мороженого, или пожилую леди, что сунет парату ему в руки. Не бог весть что, но Псих при жизни не был богачом, не стал он богатым и в своем призрачном воплощении.

Забавно, что прозвище Психу дали его мальчишки. Впервые встретив его, они поняли, что он во многом суров, но его взгляд смягчался, когда они показывали ему недостающий пальчик на ноге или извивающийся, словно умирающая рыба, шрам на задней стороне бедра — след от побоев раскаленными железными цепями. Они решили, что только *Псих* может быть полудобрым в этом прогнившем мире. Но сперва они звали его *Братом*, а самые маленькие — *Дядей*, и лишь намного позже они стали говорить: «Псих, глянь-ка, сколько бутылок я нашел сегодня», — и он не возражал, потому что знал, отчего они остановились на этом прозвище.

Через несколько месяцев после того как он стал Психом, весенней ночью, осушив несколько стаканов бханга¹, он купил мальчишкам кремовых фирни² в глиняных чашках и прошептал им имя, которое дали ему родители. Он рассказал, что сбежал из дома в семь лет, после того как мать отшлепала его за то, что он прогулял школу и болтался с Уличными Ромео, что раздражаются пронзительной песней всякий раз, когда мимо них проходит девушка.

Первые недели в городе Псих жил на вокзале, охотился за объедками из пакетов с едой, что пассажиры выбрасывали из окон поездов, и прятался от полиции в нишах под пешеходными мостами. Каждый шаг снизу ощущался как удар по голове. Какое-то время он верил, что родите-

---

¹ Психотропный напиток на основе конопли.

² Десерт, похожий на пудинг.

ли приедут на поезде, чтобы его найти, отругать за то, что напугал их, и забрать его домой. По ночам он то и дело просыпался, потому что слышал, как мать зовет его по имени, но то был лишь ветер, грохот поезда или безжизненный женский голос, объявляющий, что Северо-Восточный экспресс из Шиллонга задерживается на четыре часа. Псих думал вернуться домой, но не сделал этого, потому что ему было стыдно и потому, что город превращал мальчиков в мужчин, а ему до смерти надоело быть ребенком: он хотел стать мужчиной.

Теперь, когда Псих стал призраком, он мечтает, чтобы ему снова было семь лет. Мы думаем, именно поэтому он хочет слышать свое прежнее имя. Оно напоминает ему о родителях и о мальчике, которым он был, прежде чем запрыгнул в тот поезд.

Настоящее имя Психа — секрет. Его мальчишки никому не расскажут. Мы думаем, это имя настолько хорошее, что если бы Псих оказался в Мумбаи, а не здесь, то какая-нибудь кинозвезда стащила бы его себе.

В этом городе много таких, как Псих. Мы не должны их бояться. Наши боги слишком заняты, чтобы слушать наши молитвы, но духи — духам нечего делать, кроме как ждать и бродить, бродить и ждать, и они всегда нас слушают, ведь им скучно, а это — один из способов скоротать время.

Но помните, они не работают бесплатно. Они помогают нам, только если мы предлагаем им что-то взамен. Для Психа это голос, называющий его настоящее имя, а для других — стаканчик выпивки или гирлянда жасмина, или кебаб от Устада. Никакой разницы с тем, что просят у людей боги, вот только в отличие от богов большинство духов не хотят, чтобы мы постились или жгли лампы и свечи, или раз за разом писали их имена в тетрадке.

Самое сложное — найти правильного призрака. Псих — только для мальчишек, потому что девчонок он никогда не брал, но есть духи-женщины и духи-старухи, и даже духи-девочки, которые могут защитить девушек.

Дипа Анаппара

Может быть, нам духи нужны больше всех, потому что мы — мальчишки с железной дороги, и у нас нет ни родителей, ни дома. Если мы все еще здесь, то только потому, что знаем, как вызывать духов.

Некоторые думают, что мы верим в сверхъестественное, потому что нюхаем клей, вдыхаем героин и пьем такую крепкую деси дару¹, что от нее вырастают усы даже у младенцев. Но этих людей, людей из мира мраморных полов и электрических обогревателей, их не было рядом с мальчишками Психа той зимней ночью, когда полиция прогнала их с вокзала.

Той ночью в городе дул сильный ледяной ветер и превращал пути в камень. У мальчиков не было даже двадцати рупий на всех, чтобы арендовать одеяло на восемь часов, и одеяльщик-валла выругался на них, когда они спросили, не мог бы он дать им одеяло в кредит. Они сидели, дрожа, под потухшим уличным фонарем с разбитым стеклянным плафоном на улице у ночлежки, в которой не осталось свободных мест. В их руки и ноги иглами вонзалась боль. И когда они больше не могли ее выносить, они позвали Психа.

«Извини, что беспокоим тебя снова, — сказали они. — Но мы боимся, что можем умереть».

Разбитый уличный фонарь затрещал и засветился. Мальчишки посмотрели вверх. Лучи света, сладкого и желтого, с теплотой полились на них.

«Стойте-ка, — сказал им призрак Психа, — давайте посмотрим, что еще я могу сделать».

---

¹ Индийский самогон низкого качества.

Я смотрю на наш дом,

перевернутый вверх тормашками, и насчитываю пять дырок в жестяной крыше. Их, может быть, и больше, но я их не вижу, потому что черный смог снаружи стер с неба все звезды. Я представляю, как по крыше спускается джинн: его глаз вращается, словно ключ в замке, наблюдая за нами в дырку, — он ждет, пока Ма, Папа и Руну-Диди не уснут, чтобы он мог выпить мою душу. Джиннов не существует, но если бы они существовали, то воровали бы только детей, потому что у нас самые вкусные души.

Мои локти на кровати дрожат, поэтому я прислоняюсь ногами к стене. Руну-Диди перестает считать секунды, которые я простоял вверх ногами, и говорит: «Аррей, Джай, я тут, прямо перед тобой, а ты все равно жульничаешь-жульничаешь. Тебе не стыдно, кья?» Голос у нее высокий и взволнованный, потому что она слишком радуется, что я не могу простоять на голове так же долго, как она.

У нас с Диди соревнование по стойке на голове, но оно нечестное. Занятия йогой у нас в школе начинаются с шестого класса, а Руну-Диди в седьмом, так что она может учиться у настоящего учителя. А я в четвертом, поэтому приходится рассчитывать только на Девананда Бабу из телевизора, который говорит, что если дети будут стоять на голове, то они:

- никогда в жизни не будут носить очки;
- никогда не будут иметь седины в волосах или черных дырок в зубах;
- никогда не будут иметь разжижения в мозгах или медлительности в руках и ногах;
- всегда будут № 1 в школе + колледже + офисе + дома.